

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Ю.В. ЛАТОВ

Ретропрогнозирование как элемент национальной исторической ментальности*

В статье поставлен вопрос о необходимости комплексного исследования российской национальной исторической ментальности как комплекса ценностно окрашенных представлений россиян об истории своей страны. Одна из особенностей исторической ментальности современных россиян – их сильная приверженность виртуальным (иллюзорным) версиям исторических событий, что находит выражение в высокой популярности как фантастики в жанре “альтернативной истории”, так и мифотворческой околонулевой литературы на темы российской истории, написанной с позиций державной идеологии. Критическое восприятие значительной части отечественной истории как травмы, от которой хотелось бы избавиться путем “переигрывания” или переистолковывания реальных событий, в значительной степени проекция на прошлое критического отношения многих россиян к настоящему, в частности таково желание изменить “неправильные” реформы начала 1990-х гг. Сделан вывод, что в “фантастических историях” действительно выражены наиболее частые умонастроения тех, кто хотел бы сохранить элементы социализма, развивать рыночные отношения, но без демократии.

Ключевые слова: национальная историческая ментальность, ретропрогнозирование, альтернативная история, мифологизация истории, общественное сознание, реформы 1990-х гг., общероссийские опросы.

DOI: 10.31857/S086904990002754-1

В современном российском обществоведении до сих пор недостаточно комплексно изучен феномен *национальной исторической ментальности* – совокупности принятых в данной стране взглядов на мировую историю в целом и на национальную историю в частности¹. *De facto* изучением того, как люди осмысливают историю, занимаются либо сами историки в рамках дискурса “уроков истории” (см., например, [Ферро 2010; Полян

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00218) в Институте социологии ФНИСЦ РАН. Использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах”, созданных при финансовой поддержке РФ.

¹ Предлагаемое определение “исторической ментальности” как восприятия истории современными людьми следует отличать от трактовки этого термина в духе школы “Анналов” как исторических форм ментальности (то есть ментальности людей прошедших эпох).

2016]), либо этнологи-политологи, изучающие “войны памяти” как форму политической борьбы (см. [Шнирельман 2003; Фальсификация... 2011]). В обоих случаях речь идет об анализе учебной, научной и научно-популярной литературы, формирующей общественное сознание, но не общественного сознания как такового. Ведь общественное сознание – это “картина мира” (в данном случае – картина истории мира), которая складывается главным образом в сознании “простых людей”. Между тем историки и политологи нацелены на изучение исторической ментальности (через ее отражение в различных публикациях) скорее элитных групп, чем обычных граждан. Это хорошо видно в предложенном М. Ферро противопоставлении, с одной стороны, книжной “истории историков” и с другой – “коллективной памяти общества”, под которой понимаются “представления, бытующие как часть повседневной культуры и тесно сплетенные с различными житейскими воззрениями” [Ермолицев 2010].

Что касается российских социологов, то они отнюдь не уходят от анализа “коллективной памяти общества”, хотя чаще всего ограничиваются лишь отдельными элементами этого явления, скажем, отражением в общественном сознании россиян отдельных исторических событий или исторических периодов. Однако целостной социологической концепции национального восприятия истории (как одного из важных элементов общественного сознания) до сих пор нет.

Ее формирование – задача на будущее для отечественной социологии. В данной статье я сосредоточусь лишь на таком элементе национальной исторической ментальности, как отношение россиян к альтернативам собственной истории (более конкретно – к исторической “развилке” начала 1990-х гг.).

Недовольство прошлым

Фраза, что Россия – страна с непредсказуемым прошлым, стала уже банальной. Действительно, в стране, где ссылки на “уроки истории” – один из важнейших методов легитимизации современности, оценки прошлого оказываются слишком зависимы от виражей текущей политики. В результате, например, П. Столыпина то резко критикуют как реакционера-монархиста, то снисходительно одобряют как умеренно-успешного либерального реформатора, то превозносят как злодейски убитого борца за “великую Россию”.

Однако исторической памяти современных россиян присуща еще одна черта – удивительное тяготение не столько к реальной истории, сколько к виртуальным (иллюзорным) версиям исторических событий. Потому не случайна популярность квази- и околоисторической литературы, издаваемой крупными тиражами. И если россияне “любят историю”, то объектом их любви слишком часто становится не реальная история своей страны, а какая-то совсем “другая” история. Вот лишь три показательных примера.

Во-первых, особенность общественной исторической ментальности современных россиян и отражение в ней недовольства реальной национальной историей – тяга к “альтернативной истории” (фантастике обычно в жанре “про попаданцев”). Почувствовав массовый спрос на “переигрывание” истории, крупные издательства в 2000–2010-е гг. стали массово тиражировать книги о том, как наши современники попадают в прошлое и все там улучшают. Общим правилом подобного улучшения прошлого стала имперскость – стремление построить/сохранить в прошлом великую Россию как обязательно большое и непременно централизованно управляемое государство. Качество таких произведений² чаще всего не слишком высокое. Однако сама многоотомность подобных книжных серий свидетельствует о спросе на такую литературу, определяемом не столько стилистиче-

² Среди такого рода серий книг исторической фантастики назову серии издательств “Крылов” (“Исторические альтернативы” – 13 книг, 2002–2010 гг.) и “Альфа-книга” (“Фантастическая история” – более 130 книг, с 2010 г.). Есть и многие другие подобные серии.

ским изыщством и оригинальностью сюжета, сколько чем-то совсем иным – “общей озабоченностью историей в современной русской культуре”, как выразился один из критиков [Фрумкин 2016].

Во-вторых, стоит выделить массово тиражируемые с 1990-х гг. книги по “новой хронологии”, которые со времени своего появления воспринимались нормальными историками только как сборники преднамеренных ошибок. В отличие от “попаданческой” фантастики, “новая хронология” *à la* Фоменко презентуется ее адептами как оригинальная научная теория, доказывающая величие средневековой Руси, якобы тайно извращенное в Новое время западными историками. Авторы “новой хронологии” настолько последовательно демонстрируют свою несовместимость с академической наукой, что их высокие тиражи (более 100 книг с тиражом около 1 млн экземпляров) можно объяснить чем угодно, кроме стремления читателей к историческим знаниям.

Наконец, в-третьих, “фантастические истории” и “новую хронологию” дополняет новый жанр – многочисленные книги В. Мединского, в которых, по отзывам критиков, «“партия власти” правит историю» [Анти-Мединский... 2012]. По сравнению с предыдущими примерами, этот выглядит стоящим гораздо ближе к исторической науке. Автор серии “Мифы о России” честно признается, что он вовсе не против исторических мифов и стремится критиковать только “плохие” мифы, а “хорошие”, способствующие национальному единству, наоборот, укреплять. Судя по популярности “Мифов о России” (в 2010-е гг. издано более 60 книг), желающих ознакомиться с “правильными” мифами в современной России много.

Такой взрыв популярности литературы о “другой” (более “правильной” и привлекательной) истории³ заставляет задуматься об особенностях исторической ментальности современных россиян. Высокая популярность виртуальных версий истории, думаю, объясняется тем, что хотя наше прошлое “непредсказуемо” меняется, при этом оно, несмотря на изменение оценок, остается для слишком многих болезненно-травмирующим. Россияне с элементарно развитым историческим сознанием (то есть интересующиеся жизнью своей страны не только здесь и сейчас, но и в исторической перспективе) не столько гордятся успехами “героев былых времен”, сколько сожалеют об упущенных возможностях. Можно составить длинный ряд исторических событий, от признания варягов до недавнего российско-украинского конфликта, которые многим хотелось бы радикально изменить (по-другому истолковать, отрицать или “переиграть”). Даже самые яркие наши исторические достижения омрачаются сопутствовавшими им провалами: победа над Наполеоном – неудачами последующих попыток европеизации, победа над фашизмом – тяжелейшими военными потерями и ярлыком “таких же оккупантов”, полет Гагарина – поражением в лунной гонке.

Оценка определенных событий национальной истории как катастроф (или, по крайней мере, событий с не-оптимальным исходом) характерна не только для “народной” исторической ментальности, но и для вполне научно-академических дискурсов разных стран. Например, в США до сих пор болезненно переживают Гражданскую войну между Севером и Югом, в Болгарии – турецкое иго, почти во всех странах Западной Европы – Первую и Вторую мировые войны, и т.д. Стремление “изменить” такую “неправильную” историю примерно с 1960-х гг. подспудно питает активное развитие ретропрогнозирования как одного из методов научного исторического анализа. Академическая историография, конечно, принципиально не занимается отрицанием “плохих” исторических фактов. Однако в ее рамках давно начали разрабатываться ретропрогнозные (контрфактические) сценарии, предполагающие исторические альтернативы и оценку потенциальной (не реализовавшейся) возможности “переключения” в прошлом событий с реальной

³ В отечественной научной литературе, посвященной критике подобной квазиисторической литературы, для ее обозначения активно используется термин “фольк-хистори” (см., например, [Володихин 2000]). Она справедливо трактуется как явление массовой культуры, под которой понимается коммерческое обслуживание культурных интересов не-элитных групп населения. В то же время связь “фольк-хистори” с национальной ментальностью и, таким образом, ее объективная обусловленность чаще всего критиками не акцентируется.

колеи на какую-либо иную, виртуальную (см., например, [Латов 2008; Нехамкин 2010; Нехамкин 2011])⁴.

Если научное ретропрогнозирование стремится минимизировать эмоциональные оценки прошлого, то для “народного” сознания, наоборот, характерно желание сублимировать в суждениях о прошлом острое переживание современности. Восприятие значительной части отечественной истории как травмы, в значительной степени стало проекцией на прошлое отношения многих россиян к настоящему. *Кому не нравится настоящее России, тому не нравится и ее прошлое* (см. также [Фрумкин 2016]). В таком случае разные (и фантастические, и квазинаучные и полунанучные) виды “правильной” истории (соответствующей не столько объективным фактам, сколько желаниям современных людей) следует воспринимать как своего рода “опиум для народа”, то есть как болеутоляющее средство, снижающее болезненность восприятия современной ситуации. Это объясняет массовый спрос на разные версии пусть иллюзорной, но “правильной” национальной истории.

Интересная социологическая проблема, которая ранее не ставилась, – соотношение тех версий виртуальной истории, которую коммерчески тиражируют литераторы, и той иллюзорной истории, которую желают потреблять граждане, чтобы приглушить неприязнь к существующей социальной реальности. Ведь если народ желает потреблять духовный “опиум”, это вовсе не значит, что виртуальная история может иметь какой угодно уровень качества и, самое главное, произвольно выбранный идеологический настрой. Ранее указывалось, что общая доминанта разных видов виртуальной истории – имперская державность (чаще всего вместе с антизападничеством). Но насколько такое предложение соответствует общественному спросу?

Крупные тиражи литературы о “правильных” историях русских/российских/советских держав могут в принципе доказывать не столько ее широкую популярность среди россиян, сколько правительственную поддержку “правильных” мифов, а также эффект path dependence в книгоиздательском бизнесе. Поэтому для более корректного понимания стремления россиян к “переделке” национальной истории необходимо обратиться к материалам массовых опросов по репрезентативной выборке.

Далее особенности национальной исторической ментальности, связанные с желанием изменить “неправильное” прошлое, будут рассмотрены на примере лишь одного сюжета – отношения россиян к радикальным реформам Ельцина–Гайдара начала 1990-х гг. Я попытаюсь доказать, что представления современных россиян об этих событиях позволяют интерпретировать их как полноценный ретропрогнозный сценарий: сначала – оценка степени оптимальности фактических событий, потом – желательные альтернативы, улучшающие “неправильную” историю. Специфика такого ретропрогноза в том, что его строит не какой-то конкретный ученый-исследователь, доказывающий правомерность своих предположений, а российская нация в целом, которая в своем ретропрогнозировании ориентируется на критерии не научности, а способности выражать отношение к современным реалиям.

А может, лучше было не спасать?

Замечу, прежде всего, что официальное отношение к реформам начала 1990-х гг., заложивших институциональный фундамент постсоветской России, в современной России очень двусмысленно. С одной стороны, стала общим местом критика “дикого капитализма” времен президентства Б. Ельцина, когда якобы были забыты национальные интересы России. С другой стороны, характер “ошибок” и, тем более, представления о личной ответственности за них принципиально не уточняются. Ведь участниками как разрушения в 1990-х гг. советского строя, так и его “частичной реабилитации” в 2000-е гг. были часто

⁴ С популярным изложением ретропрогностических подходов к истории России можно ознакомиться в [Данилов 2007; Карацуба, Курукин, Соколов 2015].

одни и те же люди. Это противоречивое отношение к недавнему прошлому заметно даже по официальным выступлениям Президента России В. Путина, который, с одной стороны, заявлял (например в 2013 г.), что “мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно” (“Российская газета”. 19 сентября 2013 г.), но с другой – еще в 2005 г. назвал распад СССР “крупнейшей геополитической катастрофой века” (<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>) и открыто признался, что ему “до сих пор нравятся идеи коммунистические, социалистические” (<https://ria.ru/politics/20160125/13649894>). А в какой степени подобное “двоемыслие” характерно для общественного сознания?

Чтобы понять, каковы характеристики исторической памяти современных россиян в отношении недавнего прошлого, в ходе общероссийского опроса в октябре 2017 г. респондентам было предложено сравнить по самым разным параметрам СССР при Л. Брежневе, постсоветскую Россию времен Б. Ельцина и современную (времен президентства В. Путина) Россию⁵. Результаты сопоставления этих трех эпох оказались во многом парадоксальными: лучше всего современные россияне оценивают брежневский СССР, в сравнении с ним проигрывает не только Россия времен Ельцина, но и современная Россия [Латов 2018]. Интересно в этой связи отметить, что среди фантастических произведений в жанре “альтернативной истории” есть и несколько циклов, в которых современник-“попаданец” спасает именно брежневский Советский Союз⁶.

Таблица 1

Отношение респондентов к прекращению существования СССР в декабре 1991 г.
(в %)

Варианты ответа	2001 г.	2011 г.	2017 г.
Отрицательные оценки			
Это катастрофа мирового значения	14	14	19
Это беда для многих людей, живущих в республиках бывшего СССР	44	36	26
<i>Всего</i>	58	50	45
Нейтральная (уравновешенная) оценка			
В этом есть и хорошие, и плохие стороны	30	29	32
Положительные оценки			
Благодаря этому создались условия для возрождения России и республик бывшего СССР	4	6	6
Это положительное событие мирового значения	2	3	3
<i>Всего</i>	6	9	9
Затруднились ответить	7	12	14

Если СССР времен Брежнева имел в сравнении со всеми постсоветскими режимами, согласно исторической ментальности современных россиян, так много положительных черт, то его гибель и переход к “лихим 1990-м” большинством россиян должны были бы, логически рассуждая, оцениваться однозначно негативно. Оказалось, однако, что роль “попаданца”, спасающего поздний Советский Союз, одобрили бы в современной

⁵ В статье использованы главным образом данные всероссийского мониторинга “Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этно-религиозном контекстах” (седьмая волна), проведенного в октябре 2017 г. Институтом социологии РАН. Опрос охватил 2605 работающих респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Использовались также результаты ряда других опросов, организованных Институтом социологии РАН.

⁶ Лучший пример – цикл романов П. Дмитриева “Еще не поздно” (2012–2015 гг.).

России далеко не все. Опрос осени 2017 г. показал, что мнение о распаде СССР как катастрофе мирового значения разделяют менее 1/5 (лишь 19%) россиян. Чаше (26%) во время опроса звучали мнения тех, кто хотя и негативно воспринимают распад СССР, но считают его значимым в основном для народов постсоветского пространства (то есть не катастрофа, а только беда, и не мирового значения, а регионального). Общая же пропорция оценок выглядела следующим образом: 9% россиян оценивают гибель СССР положительно; 32% полагают, что в этом были как плохие, так и хорошие стороны; 45% оценивают это событие отрицательно; 14% затруднились ответить. Чтобы понять, насколько типичны результаты этого опроса, сопоставим их с данными опросов 2001 г. и 2011 г. (см. табл. 1).

Оценка данного события уже сейчас заметно различается у представителей разных социальных групп (см. табл. 2). Как и следовало ожидать, ностальгирующих по СССР существенно меньше среди молодежи, людей с либеральными взглядами и представителей среднего класса. Их мнение контрастирует с мнением старшего поколения и, особенно, консервативно ориентированного сегмента граждан (впрочем, даже среди них 32% видят в распаде СССР позитивные стороны).

Таблица 2

Отношение представителей некоторых социальных групп к прекращению в декабре 1991 г. существования СССР (2017 г., в %)

Социальные группы	Оценки распада СССР	
	Беда или катастрофа	Позитивно или есть позитивные стороны
Молодежь (18–30 лет)	25	49
Либералы	27	54
Средний класс	36	45
Пожилые (51–60 лет)	49	32
Консерваторы	56	32
Россияне в целом	44	42

Логика оценок современных россиян неоднозначна, а иногда и парадоксальна в отношении не только гибели СССР, но и радикальных реформ 1990-х гг. Хотя они очень критично относятся к периоду президентства Ельцина, но к реформам, заложившим основы ельцинского режима, почти с одинаковой частотой даются и негативные, и безразличные (нейтральные) оценки. Правда, положительных оценок этих реформ существенно меньше.

Если посмотреть на эти показатели в динамике (см. рис. 1), то обнаруживается прежде всего неуклонное падение доли отрицательных оценок реформ, которых в 2001 г. было 59%, в 2011 г. — 43%, в 2017 г. — 39%. Но долговременного роста положительных оценок не наблюдается: хотя за 2001–2011 гг. их доля выросла с 28% до 34%, но к 2017 г. она упала до 21%. Самой сильной тенденцией поэтому становится рост нейтральных оценок (13% в 2001 г., 23% в 2011 г. и 40% в 2017 г.). *Общая критическая оценка гайдаровских реформ даже по прошествии значительного времени преобладает над позитивной*: пропорция примерно 2:1 наблюдалась как в 2001 г., так и в 2017 г. Однако, как и в динамике оценок гибели СССР, наблюдается схождение негативных и нейтральных оценок, в 2017 г. они практически сровнялись (соответственно, 39% и 40%).

Исследование показало, что реформы начала 1990-х гг., как и распад СССР, воспринимаются наиболее критически в первую очередь старшим поколением и консервативно ориентированной частью общества (см. табл. 3), среди которых примерно половина негативно относится к реформам. Среди молодежи, начавшей сознательную жизнь уже после этих реформ, преобладает откровенно равнодушное отношение к ним: при более чем 50% затруднившихся с оценкой, 21% относятся к ним с одобрением и только 20% — не-

гativamente. Жизнь в условиях постсоветского общества — естественная данность для постсоветской молодежи, а потому, очевидно, вопрос об отношении к радикальным реформам, которые проходили более четверти века назад, для многих молодых людей сродни вопросу об их отношении, скажем, к стародавним реформам Петра I.

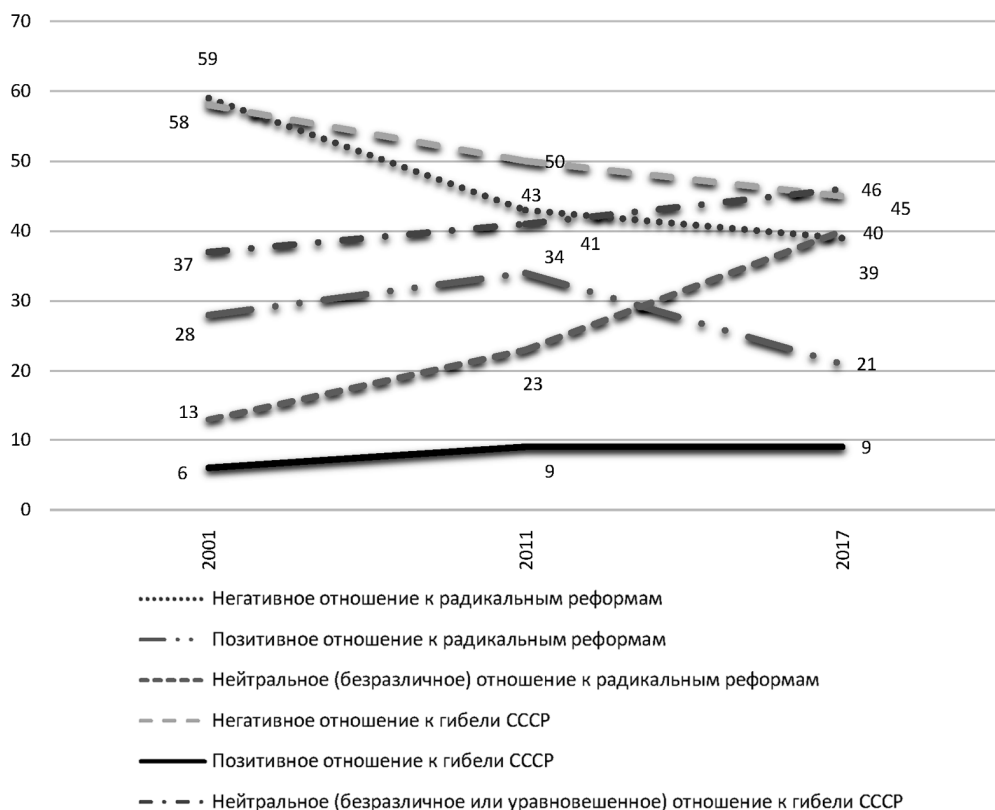

Рис. 1. Динамика оценок россиянами гибели СССР и радикальных реформ начала 1990-х гг.

Таблица 3

Отношение представителей некоторых социальных групп к произошедшим в 1991–1992 гг. радикальным реформам (2017 г., в %)

Социальные группы	Отношение к реформам начала 1990-х гг.	
	Одобрительное	Негативное
Пожилые (51–60 лет)	20	51
Консерваторы	17	49
Средний класс	26	28
Молодежь (18–30 лет)	21	20
Либералы	31	21
Россияне в целом	21	39

Таким образом, наше исследование первой стадии “народного” ретропрогнозирования – выявления неоптимального исторического события – демонстрирует неоднозначный результат. В официальном дискурсе и в общественном сознании доминирует мнение, что поздний СССР был гораздо лучше, чем постсоветская Россия ельцинского

периода. Но при этом гибель СССР и реформы 1991–1992 гг. однозначно осуждают менее половины современных россиян (соответственно, 45% и 39%), а среди молодежи таковых еще меньше (25% и 20%). Налицо противоречие, которое можно интерпретировать как (осознанное или неосознанное) признание многими людьми того, что гибель СССР и радикальные реформы были все же не “результатом предательства”, а ответом на объективные требования “духа времени”. Чтобы проверить такую интерпретацию, рассмотрим, что думают современные россияне о том, какой поворот истории в начале 1990-х гг. был бы “правильным”.

Хотят ли русские реформ?

Опрос осени 2017 г. показал, что россияне сильно расходятся во мнениях по поводу альтернативных вариантов трансформации российского общества – даже сильнее, чем по поводу отношения к гибели СССР и к похоронившим его радикальным реформам. Именно здесь речь идет о *ретропрогнозных представлениях* (важном элементе национальной исторической ментальности) в собственном смысле слова – о представлениях, как надо было поступать в прошлом, чтобы добиться лучшего настоящего.

При уточнении, как следовало бы “правильно” проводить реформы в 1991–1992 гг., мы получили ответы, демонстрирующие очередное противоречие массового сознания (см. табл. 4).

Таблица 4

Мнения респондентов о том, как следовало проводить реформы начала 1990-х гг. (в %)⁷

Варианты ответа	2004 г.	2011 г.	2017 г.
Критика реформ с социалистических позиций			
Не разрушая социалистического строя	38	25	20
Вообще не следовало их проводить	21	8	6
<i>Всего</i>	59	33	26
Согласие с реформами			
Так, как они и проводились	3	6	9
Критика реформ с несоциалистических позиций			
Более решительно продвигаться к демократии и рынку	10	11	11
Развивать рыночные отношения в экономике, но не торопиться с введением демократии	17	29	22
<i>Всего</i>	27	40	33
Затрудились ответить	11	21	33

Ретропрогнозные представления россиян по поводу качества реформ начала 1990-х гг. группируются в три позиции – согласие с реформами (то есть признание их правильными), критика реформ с социалистических позиций и их критика с не-социалистических позиций. Можно сказать, что в суждениях современных россиян представлены буквально все версии гипотетического поведения “попаданца”, отправленного из современной России примерно на 30 лет назад (помощь реальным реформаторам-либералам, противодействие им и поиск “третьего пути”).

Прежде всего следует отметить очень низкую поддержку реализованного в начале 1990-х гг. формата реформ. О том, что реформы следовало проводить именно “так, как они проводились”, высказались очень немногие: от 3% в 2004 г., до 9% в 2017 г. Можно,

⁷ Данные за 2004 и 2011 гг. приведены по [Двадцать лет... 2011, с. 23].

конечно, сказать, что тут налицо рост поддержки в 3 раза за 13 лет, но ведь это – высокий рост едва ли не от нуля. Однозначная поддержка реформ начала 1990-х гг., судя по всему, сконцентрирована внутри относительно узкой (не более 20%) группы современных россиян с либеральными взглядами, малочисленность которых постоянно фиксируется во время мониторинговых опросов, причем и среди них популярно критическое отношение к проведенным реформам.

Гораздо более высокой популярностью пользуется критика реформ с социалистических позиций, причем в двух разновидностях – либо “вообще не следовало их проводить”, либо проводить, “не разрушая социалистического строя”. Первый вариант тождествен прямой апологии “реального социализма” и распространен слабее. Даже в начале 2000-х гг., когда идея “советского реванша” еще окончательно не умерла, так считали лишь 21% респондентов. К настоящему же времени сторонники такой ультрасоветской точки зрения (лишь 6%) совершенно маргинализировались. Гораздо чаще (20%) встречается в наши дни более гибкое мнение о необходимости реформ без разрушения социализма. Но и эта точка зрения, которая 13 лет назад была самым частым вариантом (38%), стремительно теряет приверженцев. Вообще приведенные данные решительно опровергают иллюзии современных российских левых, будто их поддерживает “безмолвное большинство” населения страны, отлученное от возможности выражать свое мнение в СМИ. Что-то похожее действительно наблюдалось в начале 2000-х гг., когда за сохранение социалистического строя (то есть за отказ от либеральных реформ или за реформы без разрушения данного строя) высказались 59% респондентов. Но с тех пор их доля упала более чем вдвое и составляет сейчас лишь 26% населения.

Самой крупной (33% опрошенных осени 2017 г.) оказалась группа сторонников и не социалистических, и не ельцинско-гайдаровских моделей реформ. Среди них 11% высказались за еще более решительное движение к демократии и рынку, чем это было в начале 1990-х гг. Это примерно соответствует проявляющейся при ответах на многие вопросы доле наиболее убежденных сторонников либеральной идеологии, среди которых ельцинско-гайдаровские реформы уже в 1990-х гг. считались недостаточно либеральными и поддерживались как меньшее зло (в сравнении с “советским реваншем”). Вдвое более крупная группа (22%) ориентирована на “капитализм без демократии”, то есть за необходимость рыночных реформ при сдерживании демократических процессов. Фактически данные респонденты высказались за некий российский аналог авторитарной модернизации китайского типа. Это – именно тот ретропрогноз, который представлен у П. Дмитриева (цикл “Еще не поздно”) и в других “фантастических историях” о “попаданцах” в брежневскую эпоху, которые, заручившись поддержкой умных советских партократов (типа А. Косыгина), начинают усиленно развивать микроэлектронику и хозяйственную конкуренцию, а демократию – только на уровне трудовых коллективов.

Следует признать, что такой, ставший шаблоном, выбор российскими фантастами сюжетной модели действительно соответствует самому частому в 2010-е гг. типу ретропрогнозных умонастроений россиян. К тому же он мало противоречит второму по частоте типу умонастроений – согласно с реформами без разрушения социалистического строя. В конце концов, в “социализме с китайской спецификой” китайского образца многих привлекает именно стимулирование конкуренции в экономике при сохранении диктата компартии в политике. И чего тут больше – “социализма” или “китайской специфики”, сильно похожей на капитализм? По крайней мере, реальный современный Китай больше всего похож на те исторические альтернативы (реформы, но с сохранением социализма; рыночные отношения, но без демократии), которых желают примерно две пятых современных россиян (22% + 20% = 42%). Конечно, прокитайский вариант рыночных реформ внутренне противоречив и имеет свои неприятные особенности, которые хорошо известны и в России (например, память о бойне на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.). Однако ретропрогноз направлен на конструирование не “лучшего из миров”, а всего лишь лучшего в сравнении с тем, что реально произошло.

Следует особо обратить внимание на то, что 33% респондентов вообще не смогли обозначить свою позицию по вопросу об альтернативах радикальным реформам начала 1990-х гг. Причем по сравнению с 2004 г. мы видим трехкратный рост доли тех, кто затруднялись с ответом. Видимо, это – та категория россиян, которым любая разновидность виртуальной истории заведомо не интересна, поскольку даже недавняя история не порождает у них каких-либо ценностных оценок.

Для уточнения динамики ретропрогнозных представлений россиян полезно к данным о динамике оценок реформ начала 1990-х гг. добавить данные опросов, показывающие, как менялись представления о более ранней (вторая половина 1980-х гг.) “перестройке” М. Горбачева (см. табл. 5).

Таблица 5

Мнения респондентов, как следовало проводить перестройку (в %)

Варианты ответа	ФОМ, 1995 г.	ИКСИ, 2005 г.
Критика реформ с социалистических позиций		
Не разрушая социалистического строя	27	33
Вообще не следовало ее проводить	27	20
<i>Всего</i>	54	53
Согласие с реформами		
Так, как она и проводилась	2	3
Критика реформ с несоциалистических позиций		
Более решительно продвигаться к демократии и рынку	12	12
Развивать рыночные отношения в экономике, но не торопиться с введением демократии	18	19
<i>Всего</i>	30	31
Затруднились ответить	14	13

Источник: [Перестройка... 2007, с. 198].

Причем два набора результатов опросов о реформах Горбачева и Ельцина-Гайдара можно свести в один ряд (см. рис. 2). Ведь они характеризуют, по существу, один объект – ретропрогнозные представления россиян о реформах, которые привели к ликвидации советского строя и СССР. К тому же варианты ответов, которые предлагались респондентам, тоже были одинаковыми, что облегчает сопоставление полученных результатов.

Хорошо видно, что одобрение этих реформ хотя и растет в последние 15 лет, но все равно остается слабым. В то же время после первых примерно 15-ти лет резко (двукратно) упала доля критикующих реформы с социалистических позиций. При этом очень стабильна (10–12%) доля тех, кто постарались бы “еще решительнее продвигаться к демократии и рынку”. Что же касается сторонников “китаизации” России (развивать рынок, тормозя демократию), то их число временно выросло в начале 2010-х (29%), однако в основном с середины 1990-х гг. держится на одном и том же уровне (около или несколько более 20%).

Следовательно, единственные четко выраженные тенденции изменений “ретропрогнозных” представлений о реформах рубежа 1980–1990-х гг. – падение доли сторонников социалистического выбора, замещаемой растущей долей “затруднившихся ответить”, которых можно отнести к когорте безразличных к данному историческому событию. Этот сдвиг произошел главным образом на протяжении последнего десятилетия. Данные за 1995–2005 гг. мало отличаются друг от друга, а потом наблюдается своего рода перелом, качественно меняющий соотношение разных ретропрогнозных представлений. Он определенно связан со сменой поколений: уходят из жизни пожилые люди,

воспитанные при социализме, им на смену приходит молодежь, для которой советский социализм – “дела давно минувших дней”.

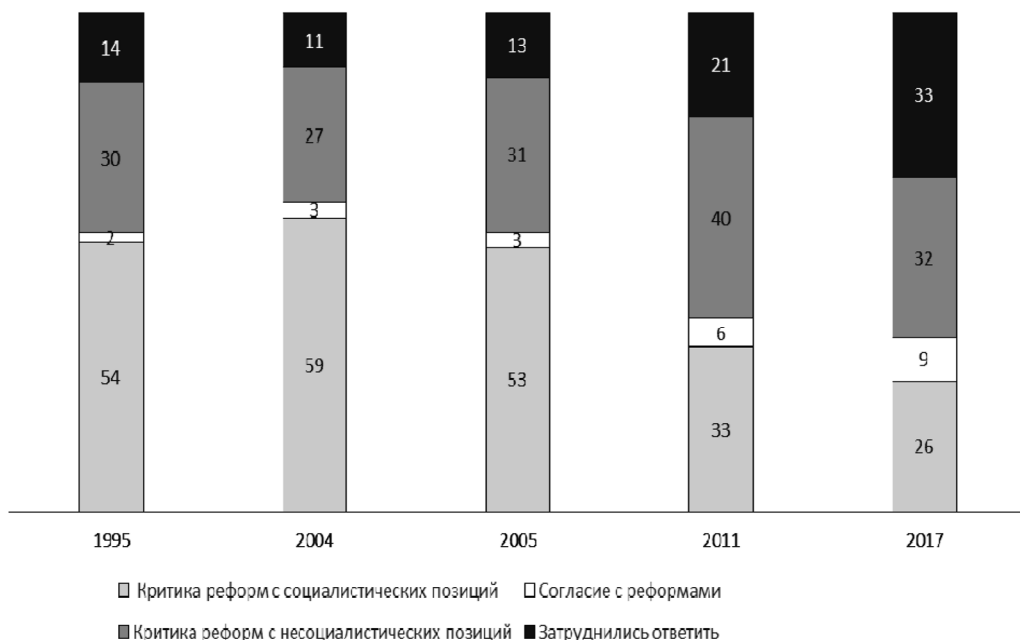

Рис. 2. Динамика ретропрогнозных представлений россиян о реформах, разрушивших СССР (в %).

Как и следовало ожидать, сторонники социалистической альтернативы – реформы с сохранением социализма или вообще отказа от реформ – расположены преимущественно в старших возрастных группах. Но и в них они составляют сейчас менее половины (46% у людей старше 60 лет), тогда как десятилетие назад их было 77% [Перестройка... 2007, с. 200]. Социалистическая идея, потерпевшая поражение 25 лет назад, остается в наши дни массово-популярной среди лиц пенсионного возраста, поскольку именно эта социальная группа в наибольшей степени понесла потери от либеральных реформ, резко понизивших уровень их социальной защиты.

Среди молодежи, которая, наоборот, получила от реформ существенные выгоды (широкий доступ в вузы, ликвидация прописки, свобода выезда за границу и т.п.), сторонники социалистического выбора составляют лишь 13% (в 2005 г. их было 19% [Перестройка... 2007, с. 200] – столько же, сколько и согласных с реформами, но меньше, чем сторонников более решительных рыночно-демократических реформ – 15%). Для молодых людей до 30 лет (то есть родившихся не ранее 1987 г., чье детство и юность пришлось на 1990-е и последующие годы) рыночные отношения стали данностью, само собой разумеющимся явлением, для них вопрос – лишь в конкретных формах реформ.

Итак, анализ ретропрогнозных представлений россиян показывает, что высокий спрос на “переигрывание” истории реформирования СССР в прокитайском духе – феномен сознания в первую очередь людей средних и старших возрастов (более 30 лет). Что касается молодых людей (до 30 лет), не равнодушных к истории, то среди них сторонники либеральных взглядов на реформы (28%) почти не уступают сторонникам “китайских” реформ (29%). Отсюда можно сделать вывод, что молодым читателям были бы интересны отнюдь не только советско-имперские “фантастические истории”, которые господствуют сейчас на российском книжном рынке, но и либеральные версии ретро-

прогнозирования (как если бы “попаданец” из наших дней начал в 1960–1970-е гг. помогать не брежневским партократам, а, скажем, гонимым диссидентам⁸).

Реальность ретропрогнозов

В современной научной литературе сохраняется двойственное отношение к ретропрогнозированию как к научному методу. С одной стороны, есть обществоведы, благожелательно рассматривающие его как важный инструмент для понимания объективной поливариантности исторического процесса. С другой стороны, имеются и их оппоненты, резко критикующие ретропрогнозы как антинаучные по своей сути “исследования, основанные не на подлинных, удостоверенных историческими источниками фактах, а на... антиисторических суррогатах фактов”, в результате чего “в науку протаскивается псевдоисторический фальсификат” [Даниленко 2016, с. 43]. Основание такого столкновения мнений – сомнительная объективность виртуальных (контрфактических) сценариев истории. Ведь если контрфактические сценарии постсоветских реформ – только и исключительно продукт ума конкретных авторов, то изучение таких сценариев действительно лежит за гранью науки об обществе, скорее где-то в области психологии и психиатрии.

Представляется, однако, что есть два качественно разных пути объективизации ретропрогнозов (контрфактических сценариев). Первый путь, актуальный для историков, – выработка критериев фактологического подтверждения того, что предлагаемый контрфактический сценарий соответствует определенным объективным предпосылкам для “перевода стрелок” истории с одной (реально реализовавшейся) траектории на другую (потенциально возможную, но не реализовавшуюся). Такая методология должна опираться на синергетическую концепцию чередования периодов движения общества по аттрактору, в узком коридоре возможностей, и периодов (точек) бифуркации, когда пространство возможностей существенно расширяется и окончательный выбор может быть сделан под влиянием сложной комбинации закономерных и случайных факторов. Применительно к проблеме выбора постсоветского развития после исчерпания возможностей “реального социализма”, очевидно, принципиально важен фактор личности ведущего реформатора, вокруг которого происходит объединение сторонников реформ. С этой точки зрения представляется, что Ельцин в СССР оказался политическим лидером, гораздо менее адекватным трудным задачам “смены вех”, чем Дэн Сяопин в КНР, причем трудно утверждать, что у Ельцина не было более достойных (но не реализовавших себя) альтернатив.

Второй путь (более подходящий для социологов) – трактовка контрфактических сценариев как характеристик объективной реальности не прошлых времен, а современности. Действительно, соотношение мнений респондентов всероссийского опроса о том, как следовало проводить реформы 27 лет назад, – несомненно, объективная реальность, не зависящая от мнения исследователя и способная экспериментально проверяться (путем, например, повторных опросов через короткий промежуток времени). Эти суждения *о прошлом дают информацию о современном состоянии общественного сознания.*

“Фантастические истории” о “попаданцах” не имеют смысла в рамках исторической науки, поскольку принципиальная возможность путешествия в прошлое более чем сомнительна. Но они дают современному человеку хороший материал, позволяющий определиться в отношении к прошлому как истоку настоящего. В данном случае наблюдается частный случай знаменитого социологического закона У. Томаса, согласно которому если люди считают какие-то ситуации реальными, то эти ситуации реальны в своих последствиях. Действительно, если многие россияне убеждены, что в начале 1990-х гг. им был необходим национальный лидер типа не Ельцина, а Дэн Сяопина, то следствием

⁸ Единственный широко известный пример художественного ретропрогноза переломных событий начала 1990-х гг., выполненный на основе либерального подхода, – это “Москва бьет с мыска” М. Веллера, где как катастрофическое событие изображен гипотетический переворот 1993 г., ставший “советским реваншем”.

этого убеждения становится современный спрос на харизматичного политика-государственника, который ради державного величия не боится принимать “коварные” и суровые решения⁹.

Два предложенных варианта доказательства объективности сценариев виртуальной истории создают два существенно разных объекта анализа. Историк рассматривает те альтернативные сценарии, которые имели достаточно высокий шанс на реализацию. При этом он может признать принципиальную возможность в прошлом и такого исторического сценария, которого сильно желают современные люди, но мало желали современники изучаемой исторической эпохи. Однако у подобного ретропрогноза (например, превращения Российской империи при Николае II в “нормальную” конституционную монархию¹⁰) будет статус маловероятного. Что же касается виртуальных историй в духе “новой хронологии”, слишком резко противоречащих всем историческим данным, то они интересны для историка только как тренажер для оттачивания эрудиции.

Зато социолог, изучая историческую ментальность крупных социальных групп, вполне может рассматривать и такие исторические сценарии, которые историческая наука категорически отвергает (или считает маловероятными), если им находится существенное место в современном общественном сознании. С этой точки зрения “новая хронология” очень интересна как источник информации о том, чем именно “обманываться рады” современные россияне. В то же время те альтернативы прошлых лет, которые не интересны подавляющему большинству современных людей (например, экономические реформы Косыгина, которые некоторыми обществоведами считаются упущенным шансом на рыночное реформирование СССР [Упущенный... 2017]), не могут стать предметом анализа исторической ментальности.

Два обозначенных предмета ретропрогнозных исследований (упущенные исторические альтернативы и популярные представления об упущенных исторических альтернативах) тесно взаимодействуют. Та научная информация, которая органично входит в общественное сознание, всегда ниже современного уровня науки. Причем общественное сознание постоянно “подтягивается” к убегающему вперед научному знанию (правда, скорость этого процесса зависит прежде всего от качества выступлений самих ученых, направленных на широкую аудиторию). Сказанное относится и к популярным среди неспециалистов сценариям виртуальной истории, которые подпитываются научно-популярной и публицистической литературой.

Если же в “народе” пользуются широкой популярностью такие версии истории, которые академическая наука решительно отвергает, то тут можно усмотреть симптом серьезной “болезни” общественного сознания. История знает немало примеров, когда активное “внедрение в массы” паранаучных (чаще всего, державно-националистических) версий отечественной истории становилось элементом национальной мобилизации, нацеленной на внешнюю агрессию и на внутреннюю “охоту на ведьм”.

Оценим теперь современное состояние исторической ментальности россиян, насколько о нем можно судить на основе проведенного анализа мнений о радикальных реформах, завершивших советскую эпоху. О том, как следовало “правильно” разрушать советскую административно-командную систему и создавать основы новой (демократической и рыночной) России, – более радикально или менее радикально, с большим заимствованием чужого опыта или с максимальным акцентированием российской специфики, с ориентацией на опыт Запада или Востока – об этом в настоящее время нет явного единства мнений не только у обычных россиян, но и у профессиональных обществоведов. Хотя академическая наука в России с самого начала была более вестернизированной и либеральной, чем российское общество в целом, однако она даже в 1990-е гг. была

⁹ Безусловно, между личностью доминирующего политика и представлениями людей о том, каким должен быть лидер нации, существует и обратная связь: политик, нацеленный на долговременное пребывание на вершине власти, обязательно будет стремиться к тиражированию в обществе представлений о том, что идеалом является именно такой политический лидер, роль которого наиболее органична для него самого.

¹⁰ Сюжет известного романа Ю. Арабова в жанре альтернативной истории “Столкновение с бабочкой”.

далека от однозначной поддержки реформ Ельцина–Гайдара. А в 2000–2010-е гг., разделяя вектор общественных умонастроений, отдалилась от этого еще сильнее.

Пожалуй, единственная из ранее перечисленных точка зрения на реформы, которая не находит соответствия в науке, – мнение, что реформы вообще не следовало проводить. Все обществоведы убеждены, что поздний СССР зашел в тупик и что вопрос не в том, надо ли было реформировать советский режим, а в том, как именно это надо было делать. Но и среди рядовых россиян мнение о ненужности реформ разделяют только 6%. Оно было популярным примерно до середины 2000-х гг., когда так думали 20–30%, и в таком желании “законсервировать” поздний СССР действительно проявлялась болезнь общественного сознания, испытавшего сильный шок от “лихих 1990-х”. Но, как показывают опросы, в последнее десятилетие россияне от этого синдрома в общем-то излечились.

Все остальные ретропрогнозы, популярные в общественном сознании россиян, легко находят соответствия в современном академическом дискурсе. Левые обществоведы (прежде всего, А. Колганов и А. Бузгалин) доказывают, что хотя советский эксперимент закончился провалом, сама социалистическая идея не исчерпала себя и ждет ренессанса. Либеральные обществоведы (прежде всего, связанные с НИУ ВШЭ) доказывают, что будущее России будет успешным только на пути развития демократии и рынка. Наконец, есть немало сторонников (как, например, С. Кирдина) концепции “особого пути” развития российской цивилизации (как и других не-европейских цивилизаций), для которой характерно доминирование централизованной редистрибуции. Конечно, соотношение идеологических векторов в национальной исторической ментальности существенно отличается от их соотношения в академической науке. Но это отражает не столько разрыв между научным и обычным мышлением, сколько различия между стереотипами мышления верхней части среднего класса (именно таков социальный статус подавляющей части ведущих российских обществоведов) и численно доминирующих масс более бедных россиян. Таким образом, хотя “народное” ретропрогнозирование по вопросу об альтернативах реформам начала 1990-х гг. существенно отличается от научного дискурса, эти различия не настолько велики, чтобы считать их проявлением социального нездоровья. В декабре 2010 г. Путин перефразировал знаменитый афоризм У. Черчилля: “Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца, а кто хочет его восстановления в прежнем виде – у того нет головы” (<http://www.aif.ru/politics/world/251189>). Эта мысль довольно точно выражает двойственное отношение многих россиян к советскому прошлому и к радикальным реформам начала 1990-х гг.

Долговременные тенденции развития отношения россиян к бифуркационным событиям начала 1990-х гг. таковы, что с течением времени критические оценки распада СССР и радикальных реформ имеют тенденцию уменьшаться, замещаясь в основном нейтральными суждениями. Если новому поколению политиков-реформаторов (не обязательно либералов) удастся – вряд ли раньше 2020-х гг. – доказать, что переход к рыночной экономике и политической демократии все же способен (пусть даже далеко не сразу) обеспечить гражданам России более высокие выгоды, чем “развитый социализм”, то, видимо, в ретроспективе разрушившие СССР радикальные реформы будут казаться все более оправданными, то есть, используя крылатое выражение Н. Коржавина, – объективно “исторически прогрессивными”, какими бы “противными” и даже “подлыми” ни казались конкретные реформаторы из команды Ельцина–Гайдара. Нечто похожее происходило в XIX–XX вв. с восприятием реформ Александра II, которые рассматривались и как “половинчатые преобразования”, и как “обман народа”, и как “забегание вперед”, пока в академическом дискурсе не стало общепринятым именование их как “Великие реформы”. Скорее всего, с течением времени все более взвешенные оценки “головой” станут превалировать над эмоциональными оценками “сердцем”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анти-Мединский. Опровержение. Как партия власти правит историю (2012) М.: Эксмо.
Володихин Д. (2000) Феномен фольк-хистори // Отечественная история. № 4. С. 16–24.

- Даниленко Г.Э. (2016) Контрфактическая альтернативистика в истории: критический анализ // Культура и цивилизация. № 1 (3). С. 41–46.
- Данилов А.Г. (2007) Альтернативы в истории России: мифы или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов-на-Дону: Феникс.
- Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров (2011) Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Весь Мир.
- Ермольцев Д. (2010) Книга Ферро и российский опыт “рассказов о прошлом” // Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный Клуб 36°6.
- Карацуба И., Курукин И., Соколов Н. (2015) Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: Согрус.
- Латов Ю.В. (2018) Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И. Брежнева, Б.Н. Ельцина и В.В. Путина // ПОЛИС № 5. С.116–133.
- Латов Ю.В. (2008) “Что, если бы...” в современной клиометрике // Историко-экономические исследования. Т. 9. № 3. С. 47–60.
- Нехамкин В.А. (2011) Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. № 4. С. 102–120.
- Нехамкин В.А. (2010) Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. М.: Макс-Пресс.
- Перестройка для страны и мира: как она видится двадцать лет спустя (2007) М.: Наука.
- Полян П. (2016) Историомор, или Трепанация памяти: битвы за правду о ГУЛАГе, депортации, войне и Холокосте. М.: АСТ.
- Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) (2017) Под ред. Р.М. Нуреева, Ю.В. Латова. М.: КНОРУС.
- Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов (2011) М.: ИА РАН.
- Ферро М. (2010) Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный Клуб 36°6.
- Фрумкин К.Г. (2016) Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти // Историческая экспертиза. № 4. С. 17–28.
- Шнирельман В.А. (2003) Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига.

Retro-forecasting as an element national historical mentality

*Yu. LATOV**

***Latov Yuri** – Doctor of Sociology (DSc), Candidate of economic sciences (PhD); Leading Researcher, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; senior staff scientist, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia; Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow. Address: 24/25 Krzhizhanovskogo str. Moscow, Russia, 117218. E-mail: latov@mail.ru

Abstract

In the article investigate the Russian national historical mentality as a complex of value-based representations of Russians to the history of their country. One of the features of the historical mentality of modern Russians is their strong commitment to virtual (illusory) versions of historical events. This finds expression in the high popularity of fiction in the genre of “alternative history” and the mythological near-scientific literature on the themes of Russian history, written from the standpoint of the state ideology. Therefore a significant part of the national history is therefore perceived as a trauma which it would be desirable to get rid of by “replaying” or reinterpreting real events. It is substantially a projection to the past of the critical attitude of many Russians to the present. It is concluded that in “fantastic histories” the most frequent the mentality of Russians who want to preserve the elements of socialism and strive for the development of market relations without democracy are really expressed.

Keywords: national historical mentality, retro-forecasting, alternative history, mythologization of history, public consciousness, reforms of the 1990s, all-Russian surveys.

REFERENCES

- Anti-Medinskiy Oproverzhenie. Kak partiya vlasti pravit istoriyu* (2012) [Anti-Medinskiy. Refutation. How the party of power rules the history]. Moscow: Ehksmo.
- Danilenko G.E. (2016) Kontrfakticheskaya al'ternativistika v istorii: kriticheskiy analiz [Counterfactual Alternative in History: A Critical Analysis]. *Kul'tura i civilizatsiya*, no. 1 (3), pp. 41–46.
- Danilov A.G. (2007) *Al'ternativy v istorii Rossii: mify ili real'nost'* (XIV–XIX vv.) [Alternatives in the history of Russia: myths or reality (XIV–XIX centuries)]. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Dvadcat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnih sociologicheskikh zamerov* (2011) [Twenty years of reforms through the eyes of Russians: the experience of long-term sociological measurements]. Pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, V.V. Petuhova. Moscow: Ves' Mir.
- Ermol'tsev D. (2010) Kniga Ferro i rossiyskiy opyt "rasskazov o proshlom" [Ferro's book and the Russian experience of "stories about the past"]. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranah mira*. Moscow: Knizhniy Klub 36'6.
- Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye ehtnokraticeskikh mifov* (2011) [Falsification of historical sources and the construction of ethnocratic myths]. Moscow: IA RAN.
- Ferro M. (2010) *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranah mira* [How to tell a story to children in different countries of the world]. Moscow: Knizhniy Klub 36'6.
- Frumkin K.G. (2016) Al'ternativno-istoricheskaya fantastika kak forma istoricheskoy pamyati [Alternative-historical fiction as a form of historical memory]. *Istoricheskaya ekspertiza*, no. 4, pp. 17–28.
- Karacuba I., Kurukin I., Sokolov N. (2015) *Vybiraya svoyu istoriyu. Razvilki na puti Rossii: ot Ryurikovichей do oligarhov* [Choosing your own story. Folds on the way of Russia: from Rurikovich to oligarchs]. Moscow: Corpus.
- Latov Yu.V. (2008) "Chto, esli by..." v sovremennoy kliometrike ["What if..." in modern Cliometrics]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, t. 9, no. 3, pp. 47–60.
- Latov Yu.V. (2018) Paradoksy vospriyatiya sovremennymi rossiyanami Rossii vremen L.I. Brezhneva, B.N. El'tsina i V.V. Putina [Paradoxes of perception by modern Russians of Russia since the time of L.I. Brezhnev, B.N. Yeltsin and V.V. Putin]. *POLIS*, no. 5, pp. 116–133.
- Nekhamkin V.A. (2011) Kontrfakticheskie istoricheskie issledovaniya [The formation of counterfactual history: the philosophical and methodological aspect]. *Istoricheskaya psikhologiya i sociologiya istorii*, no. 4, pp. 102–120.
- Nekhamkin V.A. (2010) *Stanovleniye kontrfakticheskoy istorii: filosofsko-metodologicheskij aspekt* [The formation of counterfactual history: the philosophical and methodological aspect]. Moscow: Maks-Press.
- Perestroyka dlya strany i mira: kak ona viditsya dvadcat' let spustya* (2007) [Perestroika for the country and the world: as it is seen twenty years later]. Moscow: Nauka.
- Polyan P. (2016) *Istoriomor, ili Trepanatsiya pamyati: bitvy za pravdu o GULAge, deportatsii, voyne i Holokoste* [Historiomor, or Trepanation of Memory: Battle for the Truth about the Gulag, Deportation, War and the Holocaust]. Moscow: AST.
- Shnirel'man V.A. (2003) *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga.
- Upushchenniy shans ili posledniy klapan? (k 50-letiyu kosyiginskih reform 1965 g.)* (2017) [Missed chance or last valve? (to the 50th anniversary of the Kosygin's reforms of 1965)]. Pod red. R.M. Nureeva, Yu.V. Latova. Moscow: KNORUS.
- Volodihin D. (2000) Fenomen fol'k-istorii [The phenomenon of folk-histories]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, pp. 16–24.